

Соб. культура, 1984, 20 мая, № 118.

Неужели это наши дети?

ЗАМЕТКИ О ФИЛЬМЕ «ЧУЧЕЛО»

Что и говорить, дети нынче стали другие. Мы сами, постоянно сталкиваясь с ними и в семье, и в школе, не устаем поражаться их сегодняшней странной взрослости, уже в три, пять, в семь лет ставят они нас в тупик совершенно серьезными мыслями о жизни.

Именно на наше поколение сегодняшних отцов и матерей, пожалуй, пришелся этот взрыв такого повзреления наших детей — об этом, впрочем, много пишут, спорят, говорят, тема уже несколько навязла в зубах. Но не считать с этим фактом нельзя. И если своих родителей и педагогов эти странные взрослые дети так ежедневно, ежечасно ставят в тупик, каково же тем, кто призван делать кино о них и для них? Быть может, потому и обстоят у нас дела с детским кино отнюдь не так хорошо, как хотелось бы. Быть может, потому эти две «территории» даже как бы разделились — кино о детях и кино для детей, и объединить их, то есть в конечном счете объединить в одной аудитории детей и взрослых, никак не удастся.

Именно это попытался сделать в своей картине «Чучело» Ролан Быков по книге писателя В. Железникова. Она стремится говорить о детях — речь идет об учениках шестого класса в школе провинциального городка, каких у нас сотни, — стремится говорить по самому взрослому счету. И судить их, и размышлять о них серьезно, строго, сурово. В чем-то здесь, в этой своей полемической взрослости, картина — и об этом я скажу позже — явно берет на несколько градусов выше в своей яростной ожесточенности, и сгущение, концентрация красок создают слишком драматический, даже трагедийный эффект.

Кстати сказать, городок, в котором происходит действие фильма, тоже далеко не безразличный фон, он активно взаимодействует со всей системой доказательств. Это не просто провинциальный, заштатный городок, это прекрасный древний русский город (ну, скажем, как Кострома, только, может быть, поменьше), где все пронизано дыханием русской культуры, русской старины. И как ее воплощение живет где-то на окраине старик, которого называют Заплаточник, потому что ходит в заплатанном пальто, а в доме у него музей — в тусклых, захлапленных пролетах деревянных лестниц смутно таятся, смутно сверкают бесценные шедевры старинной русской живописи. И вот к нему именно и приезжает Чучело — так прозвали его внучку в классе, столь щедром на жестокие прозвища, — эту некрасивую девочку, с большим, высоким лбом и пронзительными, взыскующими глазами.

Таким образом, дедушка, которого играет Юрий Никулин, и его внучка в исполнении юной Кристины Орбакайте представляют как бы средоточие той высокой духовности, которую, обозвав Заплаточником и Чучелом, гонит, преследует, не принимает и даже готов подвергнуть публичной обструкции главный ге-

рой этого фильма — шестой класс энской школы в энском городе. Столкновение духовности и жестокого, расчетливого юного прагматизма и составляет главный конфликт ленты.

Ну что ж, заявка действительно очень серьезная, как мы и говорили вначале. Потому что о тревожном прагматизме некоторой части молодого поколения (пусть здесь он берется в гиперболическом, сверхъюном варианте), о его определенном духовном оскудении, прикрываемом подчас ссылками на бурный технический век, говорится и пишется немало. И мы с острым вниманием вглядываемся в лица, в галерею лиц этого самого шестого класса — да, пожалуй, со времен «Доживем до понедельника» не было у нас в кино столь колоритного коллективного портрета на экране. Здесь и свои лидеры, и свои жертвы, свой центр и свое «болото», здесь приспособленцы и уже сформировавшиеся карьеристы.

Ролан Быков интересно работает с актерами. Прежде всего, конечно, с юными — мы отчетливо запомнили и Железную Кнопку, эту поборницу высокой справедливости, в жертву которой она готова принести всё и вся. И красавчика-отличника, в которого влюблены все девочки в классе, — нет, далеко не сразу авторы стремятся разоблачить его, он еще долго представляется нам умным, тонким, чутким, чтобы потом обернуться холодным предателем. И ту красивую девочку, которая так хороша и независима в классе под восхищенными взглядами мальчишек и так ожесточенно несчастна рядом со своей матерью.

Светлана Крючкова в этой роли, как и Елена Санаева в роли учительницы, обе стремятся быть на уровне юных своих партнеров. Е. Санаева играет свою героиню хотя и мягко, ненавязчиво, но весьма безжалостно: вот так и лавирует она между классом и жизнью не очень-то преуспевая ни в одном, ни в другом деле. В чем-то она выглядит безнадежно оставшей от своих учеников, безнадежно устаревшей в этом своем модном, развевающимся платье, отбывая в Москву к неведомому нам жениху. Кстати, в ту самую поездку, куда она не взяла свой провинившийся класс, из-за чего и разгорелся весь сыр-бор.

События в фильме развиваются с драматической, пугающей стремительностью. И где-то в середине, когда еще далеко до самых кульминационных моментов, мы начинаем понимать, что авторы вовлекли нас в некую парадоксальную ситуацию. Потому что, сколько бы ни говорили мы и ни сетовали на тот самый прагматизм и даже жестокость детей, а в фильме-то ведь все-таки перед нами дети, — трудно представить себе у них такую холодную, остранный

расчетливость, как она фигурирует в картине. И здесь мы начинаем сознавать, что, собственно, почти не видим взрослого мира в картине, за исключением уже названных героев, городок как бы населен только школьниками, они здесь властвуют, бунтуют, а иногда и бесчинствуют. И потому все дальше и дальше отливает от нас духовной агрессивности забывается в недрах своего дома старик Заплаточник, и только внучка его, отважное Чучело, продолжает воевать и воевать со всей этой школьной «ордой» — другого слова здесь и не подберешь.

Таким образом, этой своей сразу заявленной тенденциозностью фильм и привлекает — об этом уже говорилось вначале, но и терпит поражения. Тенденциозность в искусстве вообще понятие весьма серьезное, обоюдострое, оно может сыграть и против авторов, как бы талантливы они ни были и какими бы благими намерениями ни были движимы. Как-то так мы привыкли в искусстве, в лучшем во всяком случае его образцах, что к той или иной мысли оно подводит нас как бы исподволь, незаметно и так, чтобы у нас было полное ощущение самостоятельности этого процесса. «Чучело» не предоставляет зрителю такой возможности, противоборствующие силы заявлены сразу и сразу резко поляризованы. Быть может, потому, чем дальше к финалу, тем отпрыш однажды заявленной идеи все отчетливее — уже давно все ясно, кто плохой, кто хороший, а нам все еще продолжают то же самое растолковывать. И даже пейзаж мрачнеет — то была золотая, пышная, светлая осень, и река сверкала, и все было полно надежды; теперь все серо, уныло, льют дожди.

А дети, жестокие дети, напротив, как будто начали вдруг оттаивать, прозревать, осознавать и т. д. Даже наша старая знакомая — Железная Кнопка. Нет, совсем не верится в эту оттепель. Как, впрочем, раньше не очень-то верилось в такую истоность старика Заплаточника: в жизни ведь не очень часто бывает все такое черное или белое. И хотя «Чучело», как мы понимаем, притча по избранному авторами жанру, но ведь и притча не исключает момента нашего в ней активного соучастия...

В конце фильма старик увозит готовую уже, казалось бы, простить всех и вся внучку подальше от этого горького места. Уезжает, естественно, совершив необыкновенного благородства поступок — передал городу музей со всеми его сокровищами...

...Очень сложное, неоднозначное впечатление оставил у меня, да и не только у меня, фильм «Чучело». Я думаю, о нем будут много спорить и дети, и взрослые. Несколькими мыслями по этому поводу я и хотел поделиться с читателями «Советской культуры».

В. СИМАКИН,
главный режиссер Костромского государственного драматического театра им. А. Н. Островского.
КОСТРОМА.